

4 Кругозор 72

Образование многонационального социалистического государства — выдающийся результат революционного творчества всех советских народов во главе с рабочим классом под руководством Коммунистической партии.

Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик»

ЗУЛЬФИЯ

ИДУ Я ГОРОДОМ РОДНЫМ

Иду я городом родным, где свет струится,
Где оживление царит в толпе людской,
Где, как в Москве, машин стальная вереница
Все время катится певучею рекой.
Как славно быть волной народного потока!
Смотрю, и кажется, что каждый мне знаком.
Не знаю их имен, но я не одинока,
Одним стремлением мы дышим и живем.
Красу грядущего приблизить к нашим будням,
Страницу новую увидеть в книге лет.
«Где близкие мои в потоке многолюдном?»
И солнце ласково сказало мне в ответ:
«Все те, кого сейчас лучами я коснулось,
Все, кто избрали путь боренья и любви,
Все те, с которыми я для труда проснулось,
Вот близкие твои, товарищи твои!»
Страна живет во мне,
и сердце так похоже
На карту Родины:
как ни был бы далек,
В тайге или в степи, суровый иль пригожий.
Но дорог, близок, мил мне каждый уголок.
Откуда б я взяла огонь для песни сердца,
Когда бы не было тепла моих друзей?
Приходит песня к ним, чтоб ярче разгореться,
Родиться заново и зазвучать сильней.
Не зная их имен, я нахожу повсюду
Товарищей, подруг, далеких, но родных:
Они живут во мне,
и счастлива я буду,
Когда и в их сердца войдет мой скромный стих.

Перевод с узбекского.

ГЛОТОК ЖИВОЙ ВОДЫ

Надо видеть, как он моет руки. Подносит сложенные ковшком ладони к чистой струе. Принимает воду бережно и нежно, как новорожденного, и глаза его ласково жмурятся. Закончив, аккуратно стряхивает капли в арык. Он знает цену воде. Разлитой по пиалам, горячей, исгочающей аромат зеленого чая. Застывшей в квадратном прудике на усадьбе колхоза «Большевик», где четверть века работает председателем его старший сын. Эркин. Ревущей в створах Куйган-Ярской плотины, у головы Большого Ферганского канала, который он строил. — Вода есть жизнь.

На звуковой странице вы услышите, как произносит Ишан-ака эту, может быть, высокую для непосвященных фразу. Ишан-ака не имя. Так обращаются в Узбекистане к очень уважаемому человеку. А зовут его Бузурукходжа Усманходжаев.

ЗОЛОТАЯ
ЗВЕЗДА
ГЕРОЯ

...«Аллах велик!» — летел долгие годы крик над минаретом, приглашая дехкан к намазу. Спускался от бога на землю мулла: «Река требует Мансура». Или: «Тулкуна». Или: «Керима». Смыкались над Мансуром волны Нарына. Улыбался Мансур. Верил, что принес себя в жертву не напрасно: придет большая вода, встанут над коробочками пахты белые взрывы, вернутся сытость и счастье в его кишлак, к его семье...

Революции было полгода, когда Туркестан получил по ленинскому декрету пятьдесят миллионов рублей на орошение.. «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму». Это сказал В. И. Ленин. Эти слова писали на лозунгах люди, строившие Большой Ферганский канал.

«Я задавал себе вопрос, — говорит Ишан-ака, — может, Ленин родился не на Волге, а в Намангане или Коканде? Потому что откуда б он понял, какая наша главная беда?..»

Семьдесят пять лет биографии Усманходжаева — это и три четверти века истории Ферганской долины. Сын байского батрака, в тринадцать лет он сам стал батраком. Революция заставила его отложить кетмень, взять в руки оружие. Комитет бедноты, волостной ревком в Риштане. Боевые раны — память о борьбе с басмачами.

Он представлял Узбекистан на УШ Всероссийском съезде Советов. Был делегатом шестнадцати съездов компартии республики. Когда начали строить БФК — Большой Ферганский канал, председатель Избасканского райисполкома Усманходжаев возглавил седьмой участок стройки. Сейчас он руководит управлением эксплуатации канала.

...Беру блокнот, считаю. Что-то не сходится, и не пойму я, где ошибка. Канал, принесший воду на 70 тысяч гектаров Ферганской долины, проложен в Узбекистане в 1939 году. По его трассе — около 280 километров — вынута почти восемнадцать миллионов кубометров грунта. Пока все ясно. Но ставлю ря-

дом цифру 45 — за столько дней был прорыт канал — и недоуменно поднимаю глаза на Усманходжаева. Он косится на листок, по лицу расплывается довольная улыбка.

«Не все считал, — говорит он, — добавить надо. Сто шестьдесят тысяч нас работало на канале. Узбеки, таджики. Из девяти — один коммунист, из трех — один комсомолец. За каждый метр отвечал конкретный человек. Строили себе красивую жизнь. Одному колхозу, одному кишлаку здесь бы делать нечего. В ладоши раз хлопнуть — и то две руки надо, верно?» «Понимаю, — сказал я ему однажды, — почему вас везде узнают, почему люди тянутся к вам. Вы рассказывали: почитаемым человеком был мираб в верховье. Счастье, если ты выдавал за него дочь. Верховье — значит, воды много. Для людей вы и есть тот самый мираб с верховья, а, Ишан-ака?..»

Разговаривали мы под Андижаном, на головной плотине БФК. Дослушал меня Усманходжаев, взял, как школьника, за руку и повел в застекленное здание, похожее на вестибюль метро. За изящным, как пианино, пультом сидела маленькая женщина. Поздоровалась, заговорила с Усманходжаевым, и он тут же забыл обо мне, потому что речь пошла о канале, о суточном дебите, об обратном уклоне. Только когда съели уже в Фергану, Усманходжаев, будто и не было никакой паузы, продолжил: «Видал, да! Вот кто мираб. Счастливым человеком. Нажала кнопку — три кишлака напились».

И повторил с неожиданной грустью: «Вода есть жизнь...»

Б. ВАХНЮК
Ферганская долина

На второй звуковой странице вы встретитесь с секретарем Ферганского обкома партии Ф. Шамсутдиновым, с двумя Героями Социалистического Труда — Б. Усманходжаевым, его сыном Эркином. И с дочерью по имени Каналхон.

**На строительстве
Большого
Ферганского
канала**

Вся страна поднимала Ташкент. Молодые жители города; музей В. И. Ленина; Дворец спорта; район университета; врач О. Ташабаева.

ГОРОД ДРУЖБЫ

Я родом из Ташкента. Мой возраст позволил мне увидеть этот удивительно своеобразный город еще в начале 20-х годов. Помню дряхлый мост над речкой Анхор, он делил Ташкент на две части — старый и новый город. Старый был типичным восточным, окраинным, тесным и душным, я бы даже сказал, средневековым городком. Кривые переулки, глухие глиняные заборы-дувалы, узкие окна внутрь двора. Старый город был знаменит базарами и мечетями, характерным для восточных рынков пестрым шумом, ночной тишиной и темнотой.

Новый жил иной, обособленной жизнью. Это был город царских чиновников и военных, с домом Дворянского собрания, ресторанами, парком, театром.

Из старого города в новый могли проехать богачи, державшие здесь гостиницы и магазины, имевшие дела с русским банком. Мост между двумя частями охранялся. Революция вдыхнула в мой город новую жизнь. Но перемены в быт и культуру пришли не сразу. В первые советские годы

город все еще делился на две части. Некоторое время существовали даже два Совета — Старогородской и Новогородской. В ноябре 1919 года в Ташкент прибыла комиссия ВЦИК и СНК РСФСР. Ее возглавляли М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Я. Э. Рудзук. Партия Ленина делала все для того, чтобы окрепла в Средней Азии Советская власть, чтобы Ташкент стал единым городом и люди, населяющие его, забыли о классовой и национальной розни. На моих глазах обновлялся Ташкент. В городе, где царизм насаждал расовую дискриминацию, где простые люди обязаны были вставать на колени перед проезжающим на коне чиновником, а религиозный фанатизм достигал страшных пределов, — в этом городе надо было прежде всего вытеснить из душ людей вековой страх. Я бы назвал этот длительный и трудный процесс сближением людских сердец. Наш народ Советскую власть, социалистический строй называет счастьем. Чтобы понять всю глубину смысла этого, достаточно взглянуть на Ташкент сегодня.

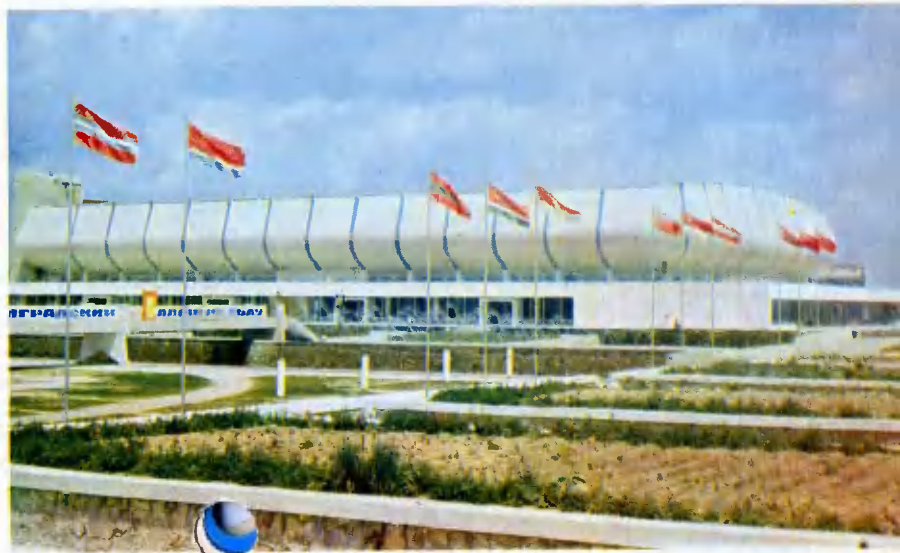
Вековые грани между двумя частями города исчезли навсегда. На месте старого, узкого деревянного моста над речкой Анхор воздвигнут мост с белыми фонарями, которые, подобно множеству лун, отражаются в канале. Теперь это мост Дружбы по своей истинной сути. На проспекте Дружбы народов, на окраине старого города, создается парк, который горожане тоже назвали «Дружбой народов». Здесь строится станция метро «Дружба народов». Будет воздвигнут памятник, олицетворяющий ленинский союз народов-братьев. Город, где проживают люди 110 национальностей, походит на одну большую семью, в которой миллион четыреста тысяч детей...

Я говорю об этом и вспоминаю страшное землетрясение, пережитое ташкентцами в 1966 году. Потому что в беде, как ни в чем другом, познается истинная дружба. Голубым теплым утром 26 апреля мощный подземный удар сотряс город. Удары продолжались и дальше, в течение многих и многих месяцев. Сотни тысяч людей оста-

Фото А. Лидова,
Л. Раскина

— ...Как-то поехала в Наманган, был юбилей нашего детдома имени Крупской. На почетной доске — карточки воспитанников: академик, народный артист, сот-

рудник министерства, доктор, партработник. «Слушайте, — говорю я. — Какая еще страна из такого маленького дома таких больших людей получила!» Онахон Хамидовна Ташабаева — коммунистка, депутат райсовета, заслуженный врач Узбекистана. Она живет в доме, который построил ташкентцам город Львов. Поставьте на проигрыватель третью звуковую страницу, войдите в этот дом...

лись без крова. Уже 27 апреля в Харькове образовался строительный отряд, который выехал в Ташкент. Москва и Ленинград, Свердловск и Алма-Ата, Тбилиси и Баку — крупнейшие города отправляли к нам поезда со специалистами, со всем необходимым для строительства. Страна жила заботой о Ташкенте. Может, где-то в Москве или Киеве, Алма-Ате или Одессе медленнее двигалась очередь на квартиры, но люди понимали: их сестрам и братьям в Ташкенте крыша сейчас нужнее. Теперь в Ташкенте есть дом, который подарили его жителям женщины Севастополя.

Есть жестяной Старый Тоомас над летским садом-яслями — здесь работали таллинцы.

Есть прекрасные кварталы: Московский, Ленинградский, Украинский, Казахский, Грузинский, Белорусский, Армянский. Это глубоко символично, это олицетворяет собой наш единый и братский союз.

Хамид ГУЛЯМ, писатель
Ташкент

Пролетарскую газету В. И. Ленин сравнивал с «дегати, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, обозначают соотношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом».

На звуковой странице вы услышите «голос» людей, работавших в разные годы в «Искре» и «Правде» и ставших как бы на этажах этих «лесов»: Г. Кржижановский — один из первых искроцев. О. Лепешинская проводила «Искру» через границу. М. Седимова — на ее конститутивной квартире скрывался Ленин после разгрома юнкерами «Правды». С. Урилов освобождал по приказу Революции типографию для издания «Правды»... Сегодня газета печатается,

не считая Москвы, в 42 городах СССР тиражом 9 миллионов 600 тысяч экземпляров. Ее получают в 120 странах мира.

На первой звуковой странице рядом с ветеранами партии голоса тех, кто печатает для нас очередной номер ежедневной пролетарской газеты, которой 5 мая 1972 года исполняется 60 лет.

...Мне, как и большинству людей моего поколения, многое довелось увидеть и пережить. Но самые яркие воспоминания относятся к тем временам, когда на мою долю выпала великая честь — верстать первые номера ленинской газеты «Правда». Это было в Петербурге в 1912 году. Я работал метранпажем в типографии «Художественная печать». 20 апреля (по старому стилю) администрацией мне было предложено со следующего дня перейти на верстку ежедневной рабочей газеты «Правда». О том, что такая газета должна была выходить, мы, рабочие типографии, знали уже давно. Ведь и наши трудовые копейки были вложены в «железный фонд» будущей «Правды». До этого я верстал газету «Звезда», тоже издававшуюся партией большевиков. Но «Звезда» выходила 3 раза в неделю, а рабочему классу России нужна была ежедневная массовая газета, роль и задачи которой в условиях нового мощного революционного подъема неизмеримо возросли.

Газету в типографии авлали 14 человек. Набирали ее обычно на руках с рукописи. Иногда очень тяжело приходилось наборщикам, ведь надо было приспособиться к разным почеркам. Не раз держали в руках мы и драгоценные листы со статьями Владимира Ильича Ленина. Ленин писал на очень тонкой бумаге мелким, убористым почерком. Переправлять его работы в Россию было очень трудно, а статью, написанную на тонкой бумаге, удобнее было свернуть в комок и спрятать так, чтобы она не бросалась в глаза. Но набирать с такой рукописи было делом нелегким.

Печатали газеты на двух изношенных тихоходных ротационных машинах. А работать надо было очень быстро: каждую минуту могла прийти полиция, приостановить печать и конфисковать номер. И нам, рабочим типографии, приходилось тоже идти на всякие хитрости.

Прежде чем пустить очередной номер в продажу, надо было послать в цензуру подписанные к печати полосы. Газету в

В. И. Ленин в кабинете в Кремле
16 октября 1918 года.

голоса
нашей
биографии

цензурный комитет носил 70-летний курьер товарищ Матвей. На очень короткий путь до цензора он затрачивал полтора-два часа с тем, чтобы на этом выиграть время. Если цензор дочитал «Правду», принимался за другую газету, товарищ Матвей спокойно возвращался в типографию. Но если по прочтении «Правды» следовал телефонный разговор с полицией, наш курьер немедленно уходил и брал извозчика. У типографии дозорный уже отмечал: если Матвей на извозчике — значит, дела плохи. Газету выносили, прятали, чтобы сберечь отпечатанную часть тиража от полицейских. И бывало, пока пристав с городовым пойдет до типографии и предъявит ордер на конфискацию газеты, большая часть тиража уже бесследно исчезала. Ну, а 30 — 40 экземпляров оставляли для полицейского протокола. При обысках полиция стремилась найти рукописи корреспондентов «Правды», чтобы узнать имена тех, кто дает материалы в газету. Но усилии охранников всегда пропадали даром.

Очень часто власти накладывали штрафы на редакторов, и при нарушении арестовывали их. Немало было и таких наших товарищей, которые были, по существу, «редакторами для стадаки». Беря на себя ответственность за опубликованные в печати статьи, многие коммунисты и беспартийные рабочие шли в тюрьмы. Много наших товарищей за это время было осуждено властями, отправлено в ссылки. Частые конфискации и закрытия газеты пручали работников редакции быстро перестраиваться и без задержки выустать «Правду» под другим названием. Время, потраченное при обысках в ночной редакции или в типографии, старались наверстать упорным трудом, чтобы к 6 часам утра газету можно было отправить на фабрики и заводы, сдать распространителям. Каждое утро во дворе типографии собиралось около ста мальчишек — уличных продавцов газет. Все ребята были из рабочих семей. Запрятав «Правду» среди других газет, мальенькие помощники разбегались по улицам Петербурга,

выкрикивая на свой страх и риск: «Газета «Правда», конфискована полицией!». Царское правительство уселенно готовилось развязать империалистическую войну, но мужественный голос «Правды» разоблачал воинственные устремления шризма. В вст 8 июля 1914-го полиция и жандармы разгромили помещицие редакции, раскипали весь набор и шашками разрубили все, что можно было спомать. Разгром «Правды» сопровождался арестами в ссылками работников редакции и типографии. Арестовали, а затем сослали и меня, запретив проживать в столичных и университетских городах.

Немного более лизу нет длился первый период жизни «Правды». Но за этот короткий срок газета завоевала подлинный авторитет и любовь рабочего класса. Через три года она возродилась вновь с тем, чтобы уже никогда не угаснуть и всегда нести великие идеи ленинской партии в широкие массы трудящихся.

В. А. ПРИХОДЬКО

Стереотипный цех типографии газеты «Правда» в Петербурге. 1913 — 1914 годы.

Группа рабочих читает газету «Правда». 1912 год.

С 22 апреля 1912 года по 8 июля 1914 года царское правительство много раз закрывало «Правду», но газета продолжала выходить под другими названиями.

Печатается очередной номер газеты «Правда». 1972 год.

Перед спуском в шахту горняки знакомятся со свежим номером газеты «Правда».

Символ Узбекистана, его богатство — хлопок. В первом году девятой пятилетки Узбекистан дал стране более четырех с половиной миллионов тонн хлопка-сырца. Такой урожай получен впервые. Из каждых 100 метров хлопчатобумажных тканей, вырабатываемых в стране, 70 — из узбекского волокна.

Республика получает из различных районов Советского Союза лес, хлеб, кокс, металл, машины, нефтепродукты и другие материалы, необходимые для народного хозяйства.

Более миллиона тонн минеральных удобрений в год выпускает Алмалыкский завод, построенный по совместному проекту московского института «Госхимпроект» и свердловского «Уралгипрохима».

**ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ,
ЗАВТРА**

Оросительные системы Узбекистана поражают своей грандиозностью. Если их вытянуть в одну линию, то они составят больше четверти расстояния между Землей и Луной.

До революции грамотное население Узбекистана не превышало двух процентов. Сейчас в узбекских высших учебных заведениях свыше двухсот тридцати тысяч студентов. По количеству студентов на 10 тысяч населения республика обогнала в 3 раза Францию, более чем в 3 раза Италию и ФРГ.

Мощность энергетики республики увеличится в девятой пятилетке на 1625 тысяч киловатт — это больше, чем намечалось когда-то для страны планом ГОЭЛРО.

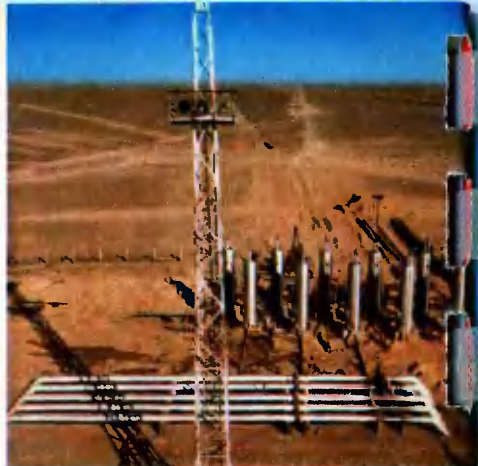
Осенним днем 1966 года многие сейсмические станции зарегистрировали сильный подземный толчок. Его центр находился в котловине Уртабулак недалеко от Бухары.

Землетрясение?

Нет, это был подземный ядерный взрыв направленного действия, который сместил тысячи тонн породы и наглухо закрыл аварийную скважину Уртабулакского газозонного месторождения.

Три года пылал здесь исполинский фонтан. Его оранжевый факел виден был за десятки километров, а реактивный рев сотрясал стекла в соседних поселках.

Его сравнивали с джином, вырвавшимся на свободу. Для укрощения фонтана испробовали все — и динамит, и бурение наклонных скважин, и даже артиллерийский обстрел. Лишь ядерному взрыву оказалось под силу надежно закупорить сосуд, в котором заключено ни много ни мало — свыше ста миллиардов кубометров природного газа.

МАРШРУТАМИ ПЯТИЛЕТКИ

**ГОЛУБОЕ
СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ**

«Кладовой солнца» называл М. М. Припчин залежи торфа. Несметными сокровищами солнца пустыни можно назвать газовые месторождения Средней Азии. Летучее топливо не нуждается в особых рекомендациях. Оно дешево, экономично, удобно.

Газ горит в цилиндрах автомобилей и котлах электростанций, отапливает дома и кипит чай. Но как доставить его? Потянулись трубопроводы на многие сотни и тысячи километров.

Первая такая газоносная река — Бухара — Урал — взяла исток недалеко от узбекского поселка Газли. Магистраль Средняя Азия — Центр пересекла территории Узбекистана, Туркмении, Казахстана и восьми областей РСФСР. Подобного сооружения еще не знала мировая практика. Около Саратова газостроители форсировали Волгу. На дне реки встретилась огромная скала. Водолазы уложили взрывчатку и уничтожили подводную преграду. Это было одно из трюсов сложных пре-

пятствий на пути строителей. Не менее трудной оказалась прокладка второй нитки — Средняя Азия — Центр. И вот теперь третья: от Хивы, древнего города Хорезмского оазиса, до подмосковного Воскресенска. Протяженность — более двух тысяч километров.

Из них 144 километра — участок, где работает колонна Игоря Федяева. Участок сложный, испещренный мелководными капризными реками, «богатый» плывунами и болотами. Колонна оснащена бульдозерами, трубокладчиками, битумовозами, машинами. Походный быт, общежития в вагончиках, долгие месяцы разлуки с родным домом.

Каждый вечер, вернувшись с трассы, И. И. Федяев передвигает на карте-схеме синий флажок. Сеет ли дождь, кружит ли вьюга, флажок упрямо движется все дальше и дальше на запад. «Средняя Азия» почти достигла «Центра».

А в Каракумах — Черных песках — рождается четвертая нитка магистральной, наз-

ванной «трассой братства». Киевляне разрабатывают проекты, в Волжке изготавливают гигантские трубы, уральцами создана уникальная газовая турбина. Узбеки и русские, туркмены и украинцы, белорусы и башкиры прокладывают газовые реки, истоки которых спрятаны в песках пустынь.

300—320 миллиардов кубометров природного газа запланировано добыть к концу пятилетки. Половину этих богатств дадут месторождения Средней Азии.

М. КУСУРГАШЕВ

Трасса газопровода
Средняя Азия — Центр

**Газли. У истока газовой реки.
Урал — пройденный этап магистральной
Средняя Азия — Центр.
Строительство третьей нитки газопровода уже переместилось в Подмоскowie.**

Начальник строительной колонны И. Федяев.

Фото Г. Копосова, И. Гневашева, С. Тапкина

Четвертая звуковая страница посвящена газостроителям.

Слушайте песню-репортаж Ады Якушевой «Поделись огнем».

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КЛАССИКЕ

«Мне было бы досадно... если бы я доставлял людям только удовольствие. Моя цель — делать их лучшими».

Человек, сказавший эти слова, немецкий композитор Георг Фридрих Гендель, родился в марте 1685 года в городе Галле. В том же году и тоже в марте родился другой немецкий композитор — Иоганн Себастьян Бах. Но если Баху суждено было прожить в безвестности и стать великим лишь через сто лет после смерти, то Гендель стал велик при жизни.

«Он был гигантского роста, — читаем мы у Романа Роллана, — широк, дороден: большие руки, большие ноги, огромные предплечья, бедра... Ходил он, расставив ноги широко, походкой тяжелой и расквашивающейся, держась очень прямо, с откинутой назад головой под обширным белым париком, локоны которого тяжело струились по его плечам. У него было длинное... лицо, с годами сделавшееся бычьим и утопившее в жире, с двойными щеками,

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГЕНДЕЛЯ

ную победу, которая не только поднимает его престиж, но и спасает от разорения. Оратория «Праздник Александра», написанная им на слова английского поэта Драйдена и исполненная на английском языке, получила высшую награду. В дальнейшем Гендель переключился на ораториальное творчество с текстами на английском языке.

Оперы составляют две трети сочиненной композитором музыки. Но признание в Англии ему принесло именно оратории. Успех их был столь велик, что Генделя удостоили памятник при жизни. Англия признала его английским композитором. Похоронен он в королевской усыпальнице — Вестминстерском аббатстве...

Почти все оперные рукописи Генделя хранятся в Британском музее. Со временем ценность их увеличивалась, но забвение углублялось, и это длилось 200 лет. В 1959 году на родине композитора, в городе Галле (ГДР), организовано генделевское общество. Главная его цель — открыть миру оперное наследие «Великого

тройным подбородком, голстым, большим, прямым носом, с красными длинными ушами. Он смотрел прямо в лицо со смеющимся огоньком в смелом взгляде, с насмешливой складкой в углу большого тонкого рта... Под стать внешнему облику Генделя был и его характер — яростный, неукротимый.

Известно, что 5 декабря 1704 года на торговой площади Гамбурга состоялась дуэль между Генделем и его другом — композитором и музыкальным критиком Маттесоном. Поводом послужило представление оперы последнего «Клеопатра», где автор исполнял Антония и дирижировал оркестром, поручая Генделю замещать его в оркестре в то время, когда он выступал на сцене. Когда Антоний по песне умер, Маттесон вернулся к клавишину гримированным, желая полностью получить овации публики. Гендель на это не согласился, и они дошли до рукопашной схватки, результатом которой стала дуэль. Гендель едва не был убит: шпата Маттесона раз-

била большую металлическую пуговицу его кафтана.

После дуэли они расцеловались и приняли вместе участие в репетиции «Альмиры» — первой оперы Генделя...

Всего им написано свыше сорока опер. Но судьба оперного творчества Генделя не столь благополучна.

С 1710 года он живет в Англии, приехав туда по приглашению Ганноверской королевской династии в качестве придворного оперного композитора.

Английская знать встретила Генделя враждебно и демонстративно не посещала театр, возглавляемый немецким музыкантом. Принц Уэльский в пику Генделю собрал свою оперную труппу с итальянским композитором Николом Порпора во главе. Генделевская опера стала прогорать. Но Гендель не сдавался, хотя его материальное положение становилось катастрофическим.

В 1735 году на конкурсе «Праздник музыки» композитор одерживает блистатель-

саксонца», полвека прожившего в Лондоне, перевести на немецкий язык его забытые, хранящиеся в рукописях произведения, дать новую жизнь прекрасной, «современной» по масштабности звучания музыке. В дни 200-летия со дня смерти композитора были исполнены по рукописям его оперы «Азий», «Радамист», «Ксеркс». С тех пор ежегодно в июне проводятся в Галле международные генделевские горжества, на которых ставятся оперы, не исполнявшиеся после смерти Генделя. Снова звучит, как писал Роман Роллан, «музыка больших пространств, развертывающихся фресок, подобных тем, которые видны в куполах итальянских соборов XVI — XVII веков...»

О. ПОМЕРАНЦЕВА

На седьмой звуковой странице журнала народная артистка РСФСР Е. Алтухова и ансамбль скрипачей ГАБТа исполняют две арии Генделя: «Каре Сельве» и «Амен».

Мухаммад АЛИ
ГОЭЛРО

У фонаря, сверкающего ярко,
на молодежь прищурившись хитро,
недвижимо стоит в вечернем парке
творец бывшего плана ГОЭЛРО.
Он в мятой кепке и в пальто коротком
обдумывает срочные дела.
Застыла кисть руки у подбородка,
на ясном лбу морщинка залегла.
И вряд ли мне, прошедшему науки,
хоть в чем ему помочь достанет сил.
Скажи он мне отечески: — А ну-ка! —
Я жизни бы своей не пощадил.
Но я и так вдали и по соседству
в труде не пожалеоу рук и плеч,
чтоб в каждом новом доме, в каждом
сердце

огни неугасимые зажечь.
Чтоб радовались люди, как подарку,
витринам, клубам, станциям метро!
Недвижимо стоит в вечернем парке
творец бывшего плана ГОЭЛРО.

САЯР

Мой Узбекистан! Любые сроки
были от меня недалеки
в час, когда я с гор твоих высоких
на тебя глядел из-под рюки.
Я всходил на кручи — и метели,
увлекая в пропасть каждый миг,
словно кони дикие, храпели
на тропинках узких и крутых.
Я бродил опасными местами,
где пути не видно впереди.
В сто кнутов сплеча меня хлестали
небо прорывавшие дожди.
Горы жизнь мою не обманули,
снежными вершинами слепя.
Родина! Не потому ли
я стою горою за тебя!

Перевел с узбекского Вл. Савельев

Гульчехра ДЖУРАЕВА

●
Ветер теплый, воздух шелков,
Им ночной простор омыт...
Среди звезд звездой желтой
Где-то огонек горит.
Значит, где-то, значит, кто-то
Не заснул —

далекий друг.

Ждет подушка, а работа
Все не выпустит из рук.
Там считает мать мгновенья,
Сына вырастить спеша.
Там вздыхает вдохновенье
Над кроваткой малыша.
Тишиною корабельной,
Бормотаньем сонных вод
Нежный шелест колыбельный
В темноте над ним плывет.
И молчит, как у причала,
Призадумавшись, мечта...
Жизни и любви начало —
Комната простая та.

Халима ХУДОЙБЕРДЫЕВА
АРБА

Оказалось: мы — в одной арбе.
Мчались кони — скакуны, не клячи!
Только погонять их не тебе,
Не тебе пришлось — лихих, горячих.
И порою с горя, сгоряча —
Помнишь? — сердцу волю я давала,
И моя ременная камча
Незначай тебя вдруг задевала.
Оттого ль, что, чуждый всех забот,
Не просил, чтоб их с тобой делила,
Оттого ль, что был так солон пот,
Радости дорога не дарила.
Только ударяла по плечу
Болью, что годами не проходит...
И швырнула я тебе камчу
И, не глядя, отдала поводья.
Ты еще безжалостней, сильнее —
В забытьи бессмысленной погони —
Принялся нахлестывать коней,
Словно в чем-то виноваты кони.
Вот теперь с тобой я, за тобой,
За твоей спиной — как за стеною...

Только что с конями? Что с арбой?
Что это с тобою и со мною?!
Что нам уготовила судьба?
Колесо застряло в черной яме,
С треском опрокинулась арба,
Пали кони, загнанные нами.
И встаю я, стряхивая пыль,
Неподвластна близкому былому,
И не трачу бесполезный пыл
На попытку починить поломку.
Принимаю строгую судьбу,
Веря ей, урок мне трудный давшей,
Ухожу искать свою арбу,
На тебя не оглянувшись даже.

Гульчехра НУРУЛЛАЕВА

●
Года,
Кто схватит вас за поводья?
Идете вы неведомо куда.
А мы —
Мы дети...
Это ли беда?
Мгновенье счастья
Без следа пройдет.
Большое счастье
Вытянется в год
И нас с собой
Из детства уведет.
Но счастье —
Половина существа
Того, чем жизнь жива, нова, права.
По-взрослому счастливые на свете,
Мы все еще наполовину дети.
Мгновенье горя
Без следа пройдет.
Большое горе
Вытянется в год
И навсегда
Из детства уведет.

Перевела с узбекского Р. Казакова

Много лет назад я работал с филармоническим оркестром народных инструментов. Мы часто ездили выступать в маленькие узбекские города. Афиш, разумеется, не было. О наших концертах знали немногие. И вот на самом высоком месте в городе или просто на крыше дома появлялся карнаист и начинал играть праздничную мелодию. Это и была наша афиша...

Почти всю свою жизнь я занимаюсь усовершенствованием народных узбекских инструментов. Если не делать этого, то на них можно будет сыграть лишь узбекский напев... А ведь наши парни уходят служить в армию. Служат вместе с русским, украинцем, грузином, поют одни и те же песни, но сыграть их мелодию на своем родном инструменте не могут.

Народных инструментов в Узбекистане очень много, и у каждого свой голос. Вот, например, тамбур. На нем играют преимущественно мужчины. Исполнение на тамбуре так сложно, что доступно лишь музыкантам-профессионалам.

Струна тамбура чуткая, звучит при малейшем прикосновении, звук легко меняет высоту, получается то скользящий, плачущий, печальный, то как бы разукрашенный замысловатым орнаментом.

Дутар, напротив, инструмент массовый. На нем играют и женщины и дети. Можно сказать, что он родствен русской балалайке. Это инструмент камерный, комнатный. Если вынести

СТРУНЫ СТОЛЕТИЙ

дутар на эстраду, его просто не будет слышно, а если усилить его звук, то изменится тембр.

Духовой инструмент с невероятно сильным звуком — карнай. Именно его фанфары открывают торжественные события, игры, празднества.

Самый распространенный ударный узбекский инструмент — дойра, род бубна. Дойра аккомпанирует солисту, сопровождает танец. Часто дойрист одновременно и хореограф. Дойра дает не только ритм. Ее звук может несколько меняться в зависимости от места удара. Я бы назвал это звукотембровым эффектом.

...Мы проводим конкурсы исполнителей на народных инструментах. На заключительном концерте последнего такого состязания меня порадовали и выступающие и зал.

Это было сотворчество музыкантов и слушателей. Пришла вузовская молодежь, рабочая. Звучали народная музыка, произведения русской и зарубежной классики. Свое искусство показывали исполнители на четырнадцати народных инструментах.

А. ПЕТРОСЯНЦ, заслуженный деятель искусств
Узбекской ССР, лауреат Государственной премии

На этой звуковой странице журнала звучит оркестр узбекских народных инструментов. Исполняется напев «Чаргол»

Сине-красная вязь керамики старинного медресе, переливы тюбетеек, росписи на пиалах, узоры ручных ковров и неповторимые по форме и тембру инструменты — ко всему прикоснулась безошибочная рука народного мастера.

Первые научные экспедиции по изучению ковроделия были организованы в двадцатые годы. В кочевых хозяйствах испокон веков все делалось из ковровых тканей: занавес, закрывающий вход в юрту, дорожки, стелющиеся по деревянным остовам, дорожки, украшающие купол...

По обычаю невеста должна была принести с собой полное оборудование юрты. Каждая мать старалась приготовить для дочери не менее трех ковров, четырех вещевых мешков, двух торб, коврового мешочка для ложек и так далее. В бедных семьях готовили приданое попроще и подешевле.

Ковроделием занимались только женщины. Девочек начинали обучать с семи лет, и к пятнадцати годам они работали наравне со взрослыми. Ковроткачество — сложный процесс. Чтобы получился ворс, надо завязать на каждой паре нитей основы узелок, затем его обрезать. В лучших коврах на каждом дециметре ткани завязывается до шести тысяч узлов. А для того чтобы соблюдать границы рисунка, нужно все время считать узлы. Опытной мастерицей женщина становилась в двадцать пять лет, и нужно было еще лет десять, чтобы ее талант достиг расцвета.

Ковроделие было той единственной областью, в которой проявлялось художественное творчество женщины. Безусловно, помимо навыков ковровщика должна была обладать чувством цвета, знать секреты наступающих и отступающих цветов,

КАК ЦВЕТУТ ТЮЛЬПАНЫ ВЕСПОЙ...

Рассказ о коврах

цветовой гармонии. Это передавалось по наследству, жило в крови. Мужчина общался с внешним миром, женщина ничего не видела, кроме своего двора и поля, на котором работала. Поэтому впечатления от природы были очень сильные. Когда ковровщица садилась за станок, ей в первую очередь помогали ее зрительная память, впечатлительность.

Много лет назад в одном кишлаке я увидела ковер очень яркой расцветки. Откуда могла женщина знать такие краски — кругом были пески, скудная, печальная природа. Переводчик задал ковровщице мой вопрос. Она прикрыла рот концом покрывала и, скромно опустив глаза, ответила: «Скажите ей, она не видела, как цветут тюльпаны в наших песках».

Женские художественные промыслы, я бы сказала, отличались душевной щедростью. Помню, я пришла как-то к одному мастеру-керамисту, который делал замечательную глазурь. В доме был его помощник, с которым он работал двадцать лет. Меня интересовало, как они «кладут» глазурь, но оказалось, что помощник не знает. Мастер имел свои секреты. Может, потому, что это было его заработком. Ковры обычно делали для себя, но, и когда они шли на продажу, я ни разу не слышала, чтобы ковровщица не поделилась рецептом окраски пряжи, рисунком.

А. МОРОЗОВА, кандидат исторических наук

Институт искусствознания имени
Ханзы Хакин-заде Ниязи, Ташкент

Рисунок А. Брусливского

У Завеева Егизара Семеновича умерла жена, когда ему шел уже шестьдесят второй год. Дети выросли, разбрелись по свету. Завеев остался один в просторном пустом доме над Ангарой.

Было это, кажется, в тысяча девятьсот втором году. Завеев погоревал недели две и решил жениться.

Весь поселок пришел в смятение — и оттого, что Завеев не выдержал положенный срок после смерти супруги, и оттого,

СТА РИК ЗА ВЕ ЕВ

Павел НИЛИН

что на склоне лет, когда люди думают о смерти, возмечтал снова вступить в брак. И, главное, возмутило всех, что он замыслил взять в жены девочку — сироту Евфросинью, которой едва исполнилось шестнадцать лет.

Шестнадцать и шестьдесят два. Что он, рехнулся, что ли? Ну, девочка, понятно, она не знает, что это такое — брак. И, кроме того, ей деваться некуда, не у чего жить.

А он-то, Завеев, должен бы сообразать — что к чему.

Из Красноярска, услышав о женьтибе отца, приехал старший сын Георгий.

— Тятя, что вы творите, подумайте. Она же, эта девочка, Фрося, имейте в виду; гвозди в кармане носит.

— Какие гвозди? — удивился Егизар.

— Как какие? Обыкновенные. От вашего гроба. Она же с нетерпением станет теперь ждать тот час, когда... это самое... когда можно будет заколотить ваш гроб. И она, поймите это в виду, останется полной хозяйкой в доме, когда вы, одним словом, угаснете...

— Вот и хорошо, — просиял Егизар. — Вот и хорошо, что нашлся человек для такого дела. А то как же я помру в одиночестве. Все разошлись, и некому даже мой гроб заколотить. Это, Гоша-сын, для меня блаженный случай жениться сейчас, покуда я еще не очень, вроде того что старый. А то кто же после-то за меня пойдет? А мне без жены нельзя. У меня дом, хозяйство, две коровенки, конь и полная тайга зверя, за коим я обязан наблюдать и охотиться.

— Да для чего вы девочку-то в жены берете? — закричал в негодовании Георгий. — Ведь мне вон сорок второй год, я помоложе вас, подсчитайте, на двадцать лет, а и то я ни за что бы не решился...

— В этом же все и дело, — усмехнулся Егизар. — В этом же все дело, что надо решиться. И кто может решиться? Ты вот не можешь, а я могу. И — решаюсь. А кто что говорит — мне все это не очень интересно. И за всех и за все мнения я отвечать не берусь. Отвечаю только за себя, раз я остался в полном, как ты замечаешь, одиночестве.

Приезжал к Завееву священник из Тулуна, долго беседовал,

увещевал, под конец беседы стал грозить, как водится, гениной огненной.

Завеев, однако, не сробел. Он с упорством изверга противостоял всеобщему недовольству. И девочка эта, Евфросинья, также на удивление всем не поддалась уговорам, не покорила перед угрозами, утверждая с завидным бесстрашием, что любит Егизара Семеновича и жить без него, без его участия не сможет. И когда он сумел так влюбить ее в себя, чем словчил соблазнить — непонятно.

По закону венчаться они не могли, пока невеста не вступила в свое совершеннолетие. И некоторое время они жили невенчанно, буквально под улюлюканье всего поселка и ближайших к поселку иных селений. Наконец Евфросинья достигла совершеннолетия. Священник вынужден был их обвенчать, узаконив, таким образом, этот неравный брак.

Венчались они под вечер. Была глубокая осень, шел дождь. Но у церкви собрался в самом деле весь поселок, чтобы осмеять новобрачных.

Мальчишки, заложив пальцы в рот, свистали им вослед. На свадебный ужин, конечно, никто не явился. Да Завеев и не пригласил никого. Но ужин был истинно свадебный: свинина и телятина, рябчики жареные в бруснике, водка, настоящая на облепихе и на пахучей траве-зарянке, зелено-палевая, ядовитая с виду, но прохладно-сладостная на вкус. Пил водку, правда, только Егизар. Евфросинья чокалась с ним мятным квасом в граненом лафитнике. И оба делали вид, что не обращают никакого внимания на окна, забрызганные дождем, как слезами, и залепленные носами и щеками нелюбезных, но любопытных соседей.

Окна нарочно не были задернуты занавесками. Смотрите, мол, все, что желает, на наше счастье или на нашу глупость, как уж вам милее покажется. Поселок особенно изощрялся в насмешках, когда, месяца не выдержав после свадьбы, Евфросинья родила мальчика. И мальчик был лобастый, большоглазый, вылитый Егиззар Заевеев, угрюмо и в то же время как бы насмешливо смотрящий на свет, будто заранее высмеивающий своих возможных противников.

На крестины тоже никто не пришел, кроме крестного отца Митрофана Хахалева, захавшего сюда бакалейщика, и повивальной бабки Кудимихи, настолько упившейся за ужином сладкой водкой на облепихе, что позволившей себе утверждать, будто Егиззар когда-то ухаживал и за ней и вроде того что на ней и собирался жениться. — Да на что ты мне нужна была бы, старая кукушка? — сдержанно вскрипел Егиззар. — Погляди-ка пойдя на себя в зеркало. — Нет, ты сама сперва погляди на себя, — зло посоветовала Кудимиха. — Ты же в дедушки годиться своей жене.

— Ну, а вам-то какое дело? — спросила Кудимиху Евфросинья. — Вы-то зачем лезете не в свой огород?

— Хлюзда, интересантка не благодарная! — вскрикнула, словно от невыносимой боли, Кудимиха. — Да ежели б не я, да не мои старания, да не мое жалостливое сердце, кто бы стал тут в тайге принимать от тебя твоего сынка-поросенка, кто бы в свидетели да в крестные пошел при вашей свадьбе и крестинах, кабы не уговорила я же Хахалева Митрофана Егорыча? Да он, видите, все-таки не пошел от стыда с вами ужинать, побрезговал вашими сладкими харчами и выпивкой. От

людей ведь стыд, что живете против правил всех...

В двух пунктах своей длинной ругательной речи нанесла тягчайшее оскорбление хозяйке дома Кудимиха. Это, во-первых, когда произнесла страшное слово «интересантка» и, во-вторых, когда обозвала сынка Васеньку поросенком. Кроткая Евфросинья огрела Кудимиху скалкой по хребту, чем словно бы предупредила весь поселок и всех насмешников и недоброжелателей, что кротость ее не безгранична и что на тягчайшие оскорбления она способна отвечать соответственно.

Через год Евфросинья родила второе дитя, опять мальчика — Иннокентия. И так последовательно произвела на свет троих: двух мальчиков и одну — в заключение — девочку.

Вот с одним из этих троих я и познакомился летом тысяча девятьсот шестидесятого года на строительстве Братской ГЭС. Он и рассказал мне вышеописанную историю его родителей. Больше того, он познакомил меня со своими отцом и матерью, прибывшими к нему погостить. С первого взгляда отец показался мне не очень старым. Высокий, поджарый, он похож был на жителя пустыни — черно-коричневый, будто выгоревший на солнце. Ему могло быть и шестьдесят и семьдесят, но никак не сто двадцать. Однако чешуйчато-сухие руки и белесая пленка вокруг глазных яблок, точно такая, как у засыпающих птиц, подтверждали его значительный возраст. И передвигался он с особой осторожностью, чуть потрескивая суставами, как стрекоча крыльями.

Среди множества вопросов я задал ему и вопрос о судьбе соседей — тех, кто высмеивал его, женившегося на девочке. — Примерли, — сказал он. И в глазах его блеснула искра

озорства, тут же, впрочем, погашенная слезой слабости. — А девочка эта, как вы изволили выразиться, вон она, — указал он на маленькую старушку, сидящую у ярко освещенного солнцем зеленого штакетника на лавочке. И снова повторил уже без вспышки в глазах: — А сесты наши, те самые, все примерли. Все, все до одного. Никого не осталось. — И помолчал: — Некому, одним словом, теперь смеяться. Хотя и надо бы...

Я присел на лавочку рядом с этой худенькой, невзрачной, по-старинному, по-сибирски скромно, но опрятно одетой старушкой. Она сидела у самого края лавочки и, казалось, безучастно смотрела на редущий на этом участке лес, на взрыхленную разными механизмами землю и на бледно-

изумрудную воду могучей реки, над которой и тут и там вытянули свои шеи подъемные краны. Мне хотелось заговорить с нею, но я еще не знал, с чего начать. Вдруг она заговорила сама.

— Мелеют реки. А отчего? — будто спросила она и вытерла сухие губы концом пестрого головного платка. — Оттого и мелеют, что люди сводят лес. А ведь, наверное, и после нас тут народ будет находиться. А без леса какое же удовольствие жизни. Один угар. Голос ее удивил меня неожиданной твердостью. И слова удивили. Удивил самый смысл слов.

— Но это только здесь, вблизи, так кажется, что леса немного, — сказал я. — А дальше-то тайга... — Это вы что, мне, что ли, рассказываете? — повернула она

ко мне даже с некоторой поспешностью узенькое, темное, иконописное свое личико. И в глазах ее, некогда, должно быть, больших и синих, на мгновение промелькнуло едва ли не высокомерие. — Я в тайге сызмальства живу. Со дня моего рождения. И с Егиззаром Семеновичем, как вышла за него, обошла и объехала тут достаточно. Он же ведь еще недавно звероловом был...

Она, похоже, с волнением торопилась изложить все это, чтобы у постороннего человека поскорее возникло правильное представление о том, кто она и кто ее супруг. Говоря же так с неожиданной торопливостью и все возрастающим волнением, она как бы молодела на моих глазах, помогая мне вообразить, какой была она шустрой девочкой, девушкой в ту пору, когда полубила вдрут этого с виду угрюмого зверолова с необыкновенным именем Егиззар.

А он стоял в этот момент уже в некотором отдалении, опираясь на длинную суковатую палку, — высокий, худой и, может быть, даже сердитый.

— Думает, — почти с благоговением посмотрела она на него. И почему-то, понизив голос, как по секрету, стала убеждать меня, что он совсем не сердитый и не угрюмый. — Вы даже не можете себе представить, какой он веселый и добрый, — говорила она. — И с ним не страшно ни где — ни на реке, ни в лесу. Я же с ним всю жизнь, как один день, прожила. И на минуточку не соскучилась...

Глаза у старухи в этот момент как бы снова стали большими и синими. И я подумал, что чудо, наверное, вовсе не в том, что любовь порою сводит во многом неравных людей. Чудо, пожалуй, в ее бессмертии...

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «КРУГОЗОРА»

Почти неделю я живу в доме у Натальи Николаевны. В комнате с маленькими окнами, наполовину закрытыми геранями. В комнате с пестрыми половиками, вытканными самой хозяйкой. Со стены на меня смотрят родственники Натальи Николаевны. За дверью слышно, как тикают по полу курица — наверное, открылась дверь из сеней; тикают ходики. «Ходят ходики, уходят годики», — поется в какой-то песне. Жизнь здесь, в Курмыше, на самом краю Болдина, тихая. Правда, недавно был переполох: я услышал крики «Лови! Лови! Ах ты, паралик его разбей!» Кот схватил утенка, и все дневное население Курмыша (а днем здесь остаются лишь бабушки да внуки) кинулось за убийцей.

— Отбили мы у него утенка-то! — с гордостью сказала мне Наталья Николаевна. Утенок остался жив, помилован и на смерть перепугавшийся кот. Он сидит сейчас на подоконнике и старается не смотреть на ковыляющую за окном утку с утятами. Ладный такой кот, изящный, с белой салфеткой на груди, в белых коротких сапогах, прямо какой-то кошачий виконт де-Бражелон.

А вечером Наталья Николаевна ставит самовар, и начинается самое интересное. Открывается дверь, и голос, в котором слышатся веселость и лукавство природного шутника и балагура, произносит: — А вот и я к вам!..

Пришла Мария Сергеевна — соседка и подруга моей хозяйки. Она начинает сразу от порога:

— Ты послушай-ка, что я скажу. Идет раз поп по селу...

И сыплется прибаутки, стишки, частушки, побасенки, смешные, остроумные рассказы о том, как мужа она напугала, подговорив двух мужиков разбойниками прикинуться, как в Горьком шутку отшутила, как жила у сына в Усть-Каменогорске. Вместо «Усть-Каменогорске» она произносит «Минагорском», да и отчество мое ей не дается.

— Погоди-ка, как тебя величают-то? Ой, чудно как, я и не выговорю.

— Почему же? — говорю я. — Львович. Ведь вот и деревня у вас есть рядом — Львовка.

ПОЕТСЯ ПЕСНЯ

— Что же, я тебя Львовка звать буду? Дай-ка я тебя буду звать Иванычем, так понятней — Евгений Иванович.

— Ну чего же не выговорить, — удивляется Наталья Николаевна, — Львович — очень просто.

Но сама она не может справиться с моим именем и вместо Евгений называет меня Гордей. Так и хожу я у них: то Евгений Иванович, то Гордей Львович. А потом приходит третья подружка. Катя. Екатерина Ивановна. Если у Марьи Сергеевны нос уточкой, голубые глаза окружены мелкими морщинками, то Екатерина Ивановна горбоноса, с черными глазами и смуглыми щеками.

Дружат они все трое больше полувека и все это время поют вместе. Пели еще девочками на посиделках, пели бабами, теперь поют три вдовы, вырастившие множество детей и внучат.

Песни они знают! И старинные, протяжные, и веселые, и жестокие романсы. Даже «Быстры, как волны, дни нашей жизни» спели мне однажды.

И странно: веселая, смешливая Марья Сергеевна поет серьезно, тихим голосом, закрыв глаза. А степенная Екатерина Ивановна становится отчаянной в песне. Вот сейчас запекает она так, будто ворот распахнула, платок с головы сорвала: «Па-а-а-алюбил всей душою дивиду... И ни жа-а-аль ничаво ей отдать... Бирюзой разукрапу светлицу... Залагую поставлю кровать...»

Больше всего полюбил я две их песни: «Соловей кукушку уговаривал» и особенно «В несчастный день, мамынька». Но их лучше слушать с хором. Вот собираются они все у Марьи Андреевны Пивиковой. Приходит с палкой в руке бабка Олена — едва ли не на поколение старше она остальных. Голос у нее низкий, напористый.

— А я всю жизнь пела, — гудит она мне, — и в поле и дома. Всегда. Приходит высокая, длиннолицая, темноглазая Александра Васильевна Алексеева. Она не только песни петь, но и сказывать мастерица.

Приходит мужская часть хора — короткий, с добрыми глазами и мягким седым пушком на голове Лога — Логин Николаевич Дворников.

Позже всех прибегает запыхавшаяся — пчел убирала — Татьяна Сквородова, голосистая, крепкая, всему удивляющаяся. Это она в Зимнем дворце (а хор-то ездил и в Москву и в Ленинград) ахнула:

— Как же это цари здесь одни жили или квартирантов пускали?

Все они знают друг друга давно, знают все беды свои, все радости. Как во всяком артистическом коллективе, есть у них и свои счеты и ссорятся они. Но начинают петься песня...

И сидят они кружком, строгие, дружные, прекрасные в своем теперешнем отрешении от всего.

Я смотрю на них и представляю их совсем молодыми-молодыми, с еще не тронутым сединой волосами, с неизморщиненными лицами. Какие же красивые были они тогда! Да они и сейчас красивые.

Евгений ХРАМОВ

На пятой звуковой странице журнала «Кругозор» вы услышите голоса болдинцев и песни «Прялка», «Задумала тещенька», «В несчастный день» в их исполнении.

В Москве, на площади Маяковского, стоит здание с большими окнами. За ними сотни, а может быть, и тысячи людей проектируют сотни, а может быть, и тысячи новых зданий для нашей столицы. Валентин Навескин, чьи песни записал для вас «Кругозор», тоже работает там. Он архитектор.

Архитектору Навескину 33 года. За спиной армейская служба, Московский архитектурный институт. Песни Валентин начал сочинять еще в армии, и, как это обычно бывает, сначала они предназначались для друзей. Это теперь он уже известен как автор «Стожаров» и «Охоты»... Поет свои песни Валентин Навескин под гитару, мастерски владея этим инструментом. Его определенно тянет на несколько абстрактную романтику «песенных парусов», но более органична для него, на мой взгляд, другая тема, идущая от пристрастия к народному искусству, родной природе, русскому быту. В этих песнях интересны его словесные и гармонические находки, переключки между старым и новым. Еще Навескину хочется написать Большую Песню — такую, чтобы в ней было самое главное — о родине, о времени.

Навескину приятно вспоминать, что года три назад в молодежной радиопередаче его представлял сам Утесов.

Давний поклонник «гитарной песни», я с ревнивым вниманием слежу за новыми именами, восходящими над нашим песенным горизонтом: какие они, не впадают ли в делячество, берегут ли достоинство жанра? Как и пятнадцать лет назад, переполняются залы домов культуры, переполняется Большая аудитория Политехнического музея. Снова настроенным ожиданием встречают искушенные слушатели никому еще не известного автора, зато как горячо провожают!

И с радостью убеждаешься, что приходят в нашу студенческую молодежную песню новые люди, приносят свой жар и свое умение. Но главное всегда остается неизменным: каждый раз за песнями стоит человек, личность со своим восприятием мира.

Дмитрий СУХАРЕВ

ПЕРВАЯ НОТА

Ташкент... Сквер в самом центре города. Изумрудные купола... Обсерватории? Планетарии? Нет, нет и нет! Чайхана. Как раз то, что нам нужно. Именно здесь соберу я сегодня завсегдатаев «Кабачка 33 1/2 оборота».

Но прежде чем войти под эти узорчатые своды, вам придется снять обувь и оставить за порогом заботы дня. Располагйтесь поудобнее, подогните под себя ноги по-восточному, налейте в пиалу ароматный зеленый чай и после каждого глотка незаметно меняйте позу, потому что приблизительно на тридца-

той секунде ваши ноги затекут. Незаметность движений необходима для того, чтобы не привлекать изумленных взоров местных жителей, которые могут сидеть в этой позии бесконечно.

Итак, теперь, когда все условия вам известны, я говорю вам: «Салам!» И в этом восточном приветствии, я надеюсь, вы уловите не только дух нашего традиционного гостеприимства, но и уверенность в непреходящем к вам уважении, которое на девятой и десятой звуковых страницах выразил Зиновий ГЕРДТ

слушайте

В

номере

4 (97) апрель 1972
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. Голоса нашей биографии. «Правда» №... Воспоминания Г. Кржижановского, О. Лепешинской, М. Сулимовой, С. Уралова.
2. Золотая Звезда Героя. «Утоление жажды». Из звуковой летописи Большого Ферганского канала.
3. «Мой дом на Ленинском проспекте». Эпизоды жизни заслуженного врача Узбекистана Онахон Ташабаевой.
4. «Поделись огнем». Песня-репортаж Ады Якушевой с трассы газопровода Средняя Азия — Центр.
5. Поэт народный хор села Болдина.
6. Театр «Кругозор». «Я играл на сцене и в кино». Рассказывает народный артист СССР Николай Плотников.
7. Страница классики. Георг Гендель: «Каре Сельве» (ария из оперы «Аталанта») и «Амен». Исполняют Е. Алтухова и ансамбль скрипачей ГАБТ.
8. «Чоргох». Узбекский народный напев в обработке Б. Гиенко. Играет оркестр народных инструментов п/у С. Алиева.
- 9-10. «Кабачок 33 1/2 оборота». У нас в гостях: Р. Шарипова, У. Лооп, М. Шамаева, М. Пахоменко, ансамбль «Ялла». Исп. песни «Не странно ль» (Э. Салихов, Хандар), финская песня «Ключи», «Снег идет» (И. Анбаров, С. Зунунов), «Речные страдания» (Э. Ханон, С. Островой) и «Андижанская полька».
11. Первый оттиск. Песни Валентина Навескина: «Онидание», «Про коня и про меня», «Мой фрегат».
12. Эстрада планеты. Серджио Эндриво (Италия): «Тереза», «Хоровод вокруг мира», «Когда ты играешь Шопена».

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки
рисунки художника
Г. Черемушина
«Народный праздник».

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, 113326
Пятницкая, 25

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
28/II 1972 г.
В 00028.
Подписано к печ.
14/III 1972 г.
Формат
бумаги 60x84^{1/2}.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 2642. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-47
ул. «Правды», 24.

ТЕАТР «КРУГОЗОР»

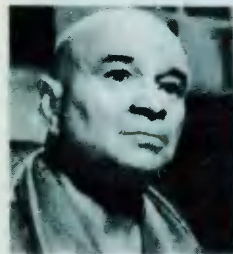
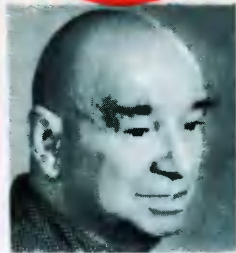

Николай ПЛОТНИКОВ, народный артист СССР

Творческая жизнь актера мне представляется так: огромное, снежное, нетронутое поле... И вот пошел по нему человек. Трудно идти первый раз по целине. Человек увязает, нащупывает путь. Но вот прошелся несколько раз туда и обратно. протоптал тропинку и однажды прекратил эту ходьбу. Утром проснулся, а следы замело снегом. Надо опять идти, утверждать пройденный путь. А если не пойдет день, неделю, забудет, где были следы, собьется, пойдет по другой дороге. Творчески-эмоциональная актерская дисциплина и есть хождение по одним и тем же тропинкам, по одним и тем же следам изо дня в день. Если этого «хождения» по темпераменту не будет, актер начнет «холодать», в нем прекращается воспитание верных творческих рефлексов. Неверно выработанный условный рефлекс — это штамп. Если уметь в творческой деятельности воспитывать верные условные рефлексы, то это поможет актеру, его творческой природе для верного раскрытия образа. Об этом нужно думать в работе над каждой ролью. Со мной был такой случай. В Реалистическом театре в пьесе М. Горького «Мать» я играл Находку. Была сцена, когда Находка выходит из тюрьмы. Театральный художник придумал так: железная дверь, и Находка выходит из тюрьмы через эту дверь. Я говорю: «Так зачем же одну, сделайте пять дверей, этим можно показать «тюрьму народов» — царскую тюрьму». Он так и сделал, и я выходил через одну дверь, открывалась другая железная дверь — замки, грохот ключей, потом третья, четвертая, пятая дверь. Выхожу на улицу, на свободу... Упал на меня желтоватый свет солнца, и в тот же миг скрипки зарыдали мелодию песни «Замучен тяжелой неволей». И всегда в этом месте я начинал плакать. Первый спектакль, третий, десятый. И однажды на одном из спектаклей я на ходу говорю артисту, который играл тюремщика: «Давай открывай двери поскорей, мне сегодня на концерт ехать, переживаний не будет». Я вышел. Свет, скрипки играют, и я вновь заплакал. Я хотел сыграть «полегче», не тратить лишние минуты. Но в тот момент я забыл о концерте, о том, что мне нужно куда-то идти. Все это произошло помимо моей воли. В работе над ролью я никогда не стремлюсь к быстрому результату. У меня понятие о роли складывается из целого комплекса накопленного материала по поводу роли. Я отбираю для роли все, что обжигает мое сознание, все, что возбуждает мою творческую фантазию. Причем это не механически

6

о радости и вдохновении

кое накапливание наблюдений, а то живое, что способствует развитию задуманного мною образа.

Но задуманного — это далеко еще не решенного, не реализованного. В самом деле, ведь не все, что тобою узнано, прочитано, подсмотрено, услышано, является подходящим для творческого решения данного образа. Конечно, нет. Но что-то будет соответствовать твоему замыслу, твоим эстетическим художественным требованиям в данной роли. Накапливание всех этих элементов, их конденсация в сознании артиста приводят как бы к относительно творческому удовлетворению. Меня всегда очень обогащает, когда я много знаю об образе, о своей будущей работе. Это дает уверенность, понимание поведения, поступков действующего лица.

Начинаешь глубже ощущать, знать биографию образа, и в дальнейшем бесконечно углубляешь свои знания. Все это непременно приводит актера к творческой радости. Вдохновение же возникает (я говорю о себе), когда все, что ты знаешь, однажды пробуешь реализовать на репетиции. Причем поначалу это делается неуверенно, пока только с прикидкой, а в дальнейшем все смелее и смелее, воистину вдохновенно.

Творческая смелость — очень важное актерское качество, без этого к образу не подойдешь. В жизни есть смельчаки, которые зимой могут нырнуть в прорубь; другие в летний день стоят у воды, пробуют ее ногой, а лезть не решаются. И творчестве актера не должен возникать вопрос, лезть или не лезть. Нужно уметь рисковать. Нужно сразу «нырять». Только тогда роль пойдет, образ получится. А не «нырнул» в характер, в темперамент, так и остался где-то около образа: если и получится верно, то все-таки «чего-то не хватает».

Следовательно, основой актерского творчества является творческий риск, трудолюбие, любознательность и непрерывная работа над собой.

В актерской профессии есть один недостаток: зрителю она кажется значительно легче, чем она есть на самом деле.

Николай Сергеевич Плотников сыграл около 150 ролей. На фотографиях: Н. С. Плотников на сцене и в кино. Борода («Планета надежды»), Домициан («Дион»), Крутицкий («На всякого мудреца довольно простоты»), Шнага («Без вины виноватые»), Камшатов («Коронация»), Тарас («Фома Гордеев»), Синцов («Девять дней одного года»), Ниточкин («Твой современник»).

СЕРДЖО
ЭНДРИГО

Цена 1 руб.

Во время недавних гастролей в Москве итальянский певец Клаудио Вилла говорил о поистине удивительной популярности своего собрата Серджо Эндриво: «За несколько месяцев он уложил нашу эстрадную песню на лопатки... Бог знает, как ему это удалось. Должно быть, что-то в нем есть, что-то он сумел найти свое...»

На песенном фестивале в Сан-Ремо весной 1968 года Эндриво исполнил лирическую «Песню для тебя» и был единогласно признан победителем, хотя никто до того не знал художавого парня, хотя в мелодии, напевной им, не было даже намека на столь молные в ту пору битовые ритмы. Неожиданность победы оставила чувство некоторого скепсиса. И как будто бы недаром. 1969 год — второе место в Сан-Ремо. На конкурсе семидесятого года — третье. Но так или иначе Эндриво бродил по почетным тропинкам итальянского песенного Олимпа. Сомнения гнездились прежде всего в нем самом. Он понимал, что успех часто эфемерен, что важнее найти свой собственный стиль. Истриец из Пульи, прошедший пятнадцатилетний путь певца-самоучки в венецианских театриках и кабаре, упорно искал свои краски, то самое «что-то», о чем говорил Вилла. И он нашел манеру исполнения, которая поставила его вне прихотей моды, почти оградила от случайностей. Он сохранил верность лирике, но она у него приобрела философский оттенок, глубину.

— Я пою о любви, — говорил Серджо Эндриво. — Знаю, что тема эта стара, как мир, и у нас в Италии она обглодана до косточек. Но ведь каждый человек чувствует и мыслит по-своему...

Человеческая жизнь окрашена в песнях Эндриво светлым чувством любви. Любви к матери, невесте, детям, дому. Но вот еще одна песня: «Если все девушки протянут друг другу руки, они опояжут мир прекрасным хоромом... Если все парни сядут в лодки и возьмутся за руки, то над миром протянется громадный мост из рыбацких лодок... Если все люди протянут друг другу руки...» Так поет Серджо Эндриво в одной из лучших своих песен — «Хоровод вокруг мира». И это тоже о любви. Не правда ли?

Александр МАРЬЯМОВ